

царей». Количество примеров такого рода можно было бы значительно увеличить. Между тем, связи между явлениями базисными и надстроечными редко могут быть столь прямолинейными, как считает автор. Они всегда опосредствованы и осложнены целым рядом других надстроечных явлений, особенностями развития общественных отношений, нередко — особенностями географической среды и многим другим. Развитие общественных отношений всегда на значительный срок опережает развитие различных надстроечных явлений, в том числе и определенной совокупности религиозных взглядов и практики, «соответствующих» данным общественным отношениям. Такого рода «отставание» религиозных верований у одних народов может быть очень значительным. Например, у баконго, по свидетельству самого автора (стр. 79), сложилось раннефеодальное общество, а религиозные верования были во многом близки верованиям соседних племен и народов, еще не создавших государственности. Именно этим «отставанием» и объясняется тот факт, что правители Конго с такой охотой приняли христианство и ревностно его поддерживали в течение нескольких столетий.

Есть некоторые неточности в изложении конкретных материалов о государстве Конго. Так, автор пишет, что господствующий класс общества — знать мфуму избирала из своей среды правителя (стр. 79). По доступным мне источникам, власть правителя была наследственной, но наследование ее шло по нормам материнского права. Значительное влияние на окончательный выбор наследника оказывали три «выборщика», все три — представители очень немногочисленной группы крупнейшей знати государства. Далее, материалы свидетельствуют об огромной, ничем не ограниченной власти короля Конго (у автора: «Власть маниконго ограничивал совет из представителей знатнейших родов», там же). Наконец, совершенно неверным является утверждение, будто «европейские захватчики подчинили своей власти маниконго и его приближенных и вынудили у них согласие на продажу в рабство их подданных. Чтобы закрепить свое влияние в завоеванной стране, португальцы обратили в христианство правителя и высшую знать Конго». Во-первых, государство Конго никогда не было «завоевано» португальцами, во-вторых, короли Конго (и с ними знать) добровольно приняли крещение и в течение нескольких столетий использовали христианскую религию для духовного порабощения и оправдания эксплуатации своего народа, а также умело использовали папский престол в своей борьбе с португальцами. В-третьих, в рабство европейцам продавали баконго (т. е. подданных короля Конго) в виде редчайшего исключения, за океан увозили обычно военнопленных.

Указанные недочеты рецензируемого исследования объясняются, по-видимому, невозможностью исчерпывающе полно охватить материал в такой широко поставленной теме. Они не снижают ни научной значимости книги, ни большого интереса, который она представляет для читателей.

Очень живо и увлекательно написана вторая часть книги, посвященная истории проникновения христианства и образования независимых христианско-африканских церквей и сект.

Историю возникновения и деятельности христианско-африканских сект автор тесно связывает с историей возникновения национально-освободительного движения, показывает роль этих сект на раннем этапе борьбы с колониализмом. Проследивая исторический путь, который прошло сектантское движение в Африке, автор подробно анализирует роль этого движения в настоящее время. Эта часть книги представляет большой интерес не только для историка-африканиста, но и для всех, кто интересуется современной Африкой, кто связан с ней практической работой.

К этой части книги я могла бы высказать лишь одно пожелание. Хотелось бы видеть более подробно освещенным антонианское движение, или антонианскую «ересь», в государстве Конго в начале XVIII в. Ведь в основе этой христианской «ереси» лежит мощное народное движение, направленное против короля и знати, а также против попыток португальцев утвердиться в стране.

В целом же хочется еще раз подчеркнуть, что советская наука получила новую, очень интересную книгу по истории религии у народов Африки.

А. Орлова

НАРОДЫ СССР

Ю. Ауль. *Антропология эстонцев*, «Уч. записки Тартусского государственного университета», вып. 158. Тарту, 1964, 387 стр.

Автор книги — известный специалист по антропологии Прибалтики. Своими исследованиями он внес большой вклад в изучение антропологии эстонцев, преимущественно современного населения. Материал, который им собран, до сих пор был предметом публикации лишь в предварительных сообщениях и не мог быть использован в полной мере. Рецензируемая книга восполняет этот большой пробел.

Ю. М. Ауль проделал очень подробное исследование. Он не ограничился, подобно многим другим антропологам, определением лишь размеров головы и лица, но опреде-

лял и размеры тела, что позволяет составить известное представление о физическом типе и конституциональных особенностях исследованного контингента людей. Работа протекала в основном в буржуазной Эстонии в 1930-е гг., когда подавляющее большинство прибалтийских антропологов ограничивалось измерениями, пренебрегая описательными признаками, имеющими, однако, наибольшее значение в выделении и разграничении антропологических типов. Ю. М. Ауль избежал этой нездоровой тенденции, поэтому накопленные им данные выглядят абсолютно «современными» и могут быть использованы сейчас без всяких скидок на то, что они собраны 30 лет назад. Специального упоминания заслуживает и количество данных: во всех районах Эстонии обследовано более 15 тыс. человек.

Состояние методики антропологической науки в настоящее время таково, что сколько-нибудь определенное суждение о вариациях антропологического типа в пределах одного народа и о различиях типов у разных народов можно составить только с помощью данных, собранных одним исследователем. Иными словами, индивидуальные различия в методике определения, в первую очередь описательных признаков, очень велики, они исключают надежное и объективное сравнение материалов, полученных разными работниками. А так как один работник не может охватить большого количества групп, то антропология стоит перед серьезной методической трудностью, пути преодоления которой остаются пока недостаточно ясными. Ю. М. Аулю удалось совместить многочисленный контингент обследованных с единообразием методики, что позволило ему нарисовать гораздо более полную и детальную картину территориальных вариаций антропологического типа эстонцев, чем мы имели до сих пор. Значение этой картины будет увеличиваться по мере накопления аналогичных по качеству и количеству материалов (пока отсутствующих) по другим народам Восточной Прибалтики. Хорошо, что эти первоклассные данные представлены на русском языке, гораздо более чем эстонский доступном и для советских, и для зарубежных ученых. Кроме того, книга снабжена хотя и небольшим, но все же достаточно подробным немецким резюме.

При анализе собранных им данных автор пользуется разными приемами, из которых основным является географический метод, т. е. метод сравнения карт распределения отдельных признаков. Наряду с ним, использованы разные простые статистические приемы, значение которых заключается в основном в иллюстративности. С помощью этих приемов Ю. М. Ауль в целом ряде случаев удачно обосновывает убедительность своих выводов. Нельзя, однако, не отметить, что разработка материала в целом отстает, если можно так выразиться, от самого материала. Автор не использует достаточно широко статистические приемы анализа, которыми современная биометрическая статистика, в изобилии снабжает антрополога. Объективности ради отмечу, правда, что применение этих приемов требует чрезвычайно большой калькуляционной работы, провести которую можно только с помощью счетных машин. Кстати сказать, это обстоятельство вообще ограничивает пользование статистическими приемами в работах советских антропологов.

С точки зрения рецензента, вызывает возражения и подсчет процентного распределения типов по разным территориям Эстонии. Если эти типы представляют собою лишь морфологические варианты, то подсчет их процентного соотношения ничего не дает для выявления генезиса того населения, среди которого они представлены. Если же эти типы имеют генетическое значение, то взаимоотношения между ними много сложнее, чтобы их можно было выразить в процентах.

Остановившись на происхождении антропологического типа современных эстонцев, Ю. М. Ауль справедливо отмечает недостаточную изученность Эстонии в палеоантропологическом отношении. Это обстоятельство ограничивает исследовательские возможности в интерпретации результатов изучения современного населения. В целом все же общая картина ясна, и автор поддерживает и развивает дальше концепцию этногенеза эстонцев, выраженную в подавляющем большинстве работ советских специалистов. Заселение Эстонии происходило с юга и востока. Потомки того населения, которое появилось на территории Эстонии с юга, населяют в основном западные районы Эстонии. Потомки населения, появившегося с востока из Приуралья и Западной Сибири и содержащего в своем составе небольшую монголоидную примесь, живут в основном в восточных районах Эстонии.

В целом рецензируемая книга представляет собой значительный и очень полезный вклад в советскую антропологическую литературу. Обращаю, однако, внимание на ее смехотворно малый тираж — 500 экземпляров. Из-за него или из-за неполадок в работе нашей книготорговой сети книгу абсолютно невозможно получить ни в Москве, ни в Ленинграде, не говоря уже о других городах. Между тем, содержание книги и издание ее на русском языке говорят о том, что она должна предназначаться не только эстонскому читателю.

В. Алексеев